

Президентский люкс был погружен в полумрак. Се Шицин стоял у кровати, его пальцы замерли над воротником рубашки Шань Шубая.

Юноша дышал ровно и глубоко, его длинные ресницы отбрасывали на щеки тонкие тени. Губы, ставшие чуть ярче, чем были прежде, слегка приоткрылись, обнажая кончик белого зуба.

Кадык Се Шицина дернулся.

Он никогда не был человеком, склонным к нерешительности.

Его пальцы с четко очерченными суставами ловко расправились с первой пуговицей, и фарфорово-белая кожа дюйм за дюймом открывалась в теплом свете ламп.

Шань Шубай оказался куда более ладным, чем можно было представить: тонкий слой мышц поверх изящного скелета, потрясая тонкая талия. словно искусно обожженный белый фарфор, кожа в такт дыханию отливала нежным блеском.

Пальцы Се Шицина замерли.

Розовый.

От ключиц до живота, даже кончики пальцев — все было окрашено в нежно-розовый, словно лепестки весенней сакуры.

Се Шицин невольно сравнил: его собственная кожа была обычного белого цвета, а мышцы, натренированные годами тренировок, выглядели куда грубее.

А это тело перед ним было совершенством в каждой детали.

Когда пояс халата коснулся талии Шань Шубая, юноша бессознательно что-то пробормотал, и его щека потерлась о тыльную сторону ладони Се Шицина.

От этого теплого прикосновения Се Шицин резко отдернул руку, быстро, в несколько движений, укутал парня одеялом и почти сбежал из спальни.

Кожаный диван прогнулся под его весом. Се Шицин закурил, и алый огонек замелькал в темноте.

Он запрокинул голову, выдыхая дым, и отрешенно уставился на хрустальную люстру под потолком.

Засветился экран телефона. Ответ Шэнь Яньчу был кратким и резким: Буду через полчаса.

Се Шицин усмехнулся и с силой вдавил окурок в пепельницу.

Поднимаясь, он невольно бросил взгляд в сторону спальни, и его суровые черты лица вдруг смягчились.

Эту партию он обязан выиграть.

Звук разблокировки отпечатком пальца, донесшийся от двери, прозвучал в тишине номера особенно отчетливо.

Шэнь Яньчу окинул взглядом гостиную и остановился на плотно закрытой двери спальни. В глубине его глаз промелькнуло нечто темное и нечитаемое.

Се Шицин вальяжно развалился на диване, распахнутый халат открывал вид на крепкую грудь, по которой стекали капли воды, теряясь в рельефе пресса.

В одной руке он держал дымящуюся сигарету, в другой — стакан с виски. Янтарная жидкость плескалась, заставляя ледяной шар ударяться о стенки стакана с мелодичным звоном.

— Мои сигареты стоят дорого, — внезапно произнес Се Шицин, прижимая стаканом руку Шэнь Яньчу, тянущуюся к пачке.

Шэнь Яньчу усмехнулся и отдернул руку:

— Жалко сигареты?

— Ты довел ребенка до аллергии, — Се Шицин выпустил кольцо дыма, его лицо то скрывалось в тумане, то вновь становилось четким, — и еще смеешь просить мои сигареты? — Он стряхнул пепел. — Если еще не проснулся, иди умойся.

Шэнь Яньчу резко подался вперед:

— Ты положил на него глаз?

— Мне интересно. — Се Шицин затушил окурок, искры в хрустальной пепельнице судорожно погасли.

— Удивительно, — Шэнь Яньчу прищурился. — И что же так зацепило нашего молодого господина Се?

Чем именно его привлекает Шань Шубай?

Се Шицин машинально потер край стакана.

Туманными глазами?

Кончиками ушей, краснеющими от смущения?

Или тем, как он, доведенный до отчаяния, неуклюже пытается сопротивляться, толкаясь головой в плечо?

Это было больше похоже на лотерею: каждый слой маски скрывал нечто еще более ценное.

Хрупкий фарфор, внутри которого скрывалась стальная воля; внешне послушный, а в глубине души — упрямый.

Словно мимоза: тронешь — свернется, а через минуту снова тихонько расправит листья.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать это. — Се Шицин залпом допил виски, лед снова звякнул о зубы. — Лучше говори правду.

Выражение лица Шэнь Яньчу стало ледяным:

— А если ответ тебя не устроит?

— Тогда придется действовать во благо справедливости, даже вопреки родственным узам. — Се Шицин легко рассмеялся и с грохотом поставил пустой стакан на столик. — Я верю в твою порядочность, но... — он поднял глаза, острые, как клинок, — реальность часто любит давать пощечины.

Из щели под дверью спальни просочился теплый свет, послышался едва уловимый шорох ткани.

Оба мужчины замолчали. В воздухе повисло незримое напряжение.

Се Шицин играл с зажигалкой, щелкая металлической крышкой.

Рождение Шань Шубая было прекрасной случайностью.

Его родители — известный астрофизик Шань Минчуань и художница-авангардистка Линь Цин — оба были убежденными сторонниками безбрачия.

В тот год на исландской обсерватории снежная буря столкнула две совершенно разные души.

Девять месяцев спустя на свет появилось маленькое существо, чья жизнь была наполнена мечтательными красками северного сияния.

— Наш Шубай, — Шань Минчуань любил поднимать младенца над головой, позволяя ему коснуться вращающегося в кабинете планетария, — это чудо, которое ценнее вспышки сверхновой.

Линь Цин же брала маленькие ручки сына и учила его смешивать цвета:

— Смотри, если смешать серебро Галактики с белизной карлика, получится цвет глаз нашего малыша.

Шань Шубай, выросший в такой семье, с рождения был наделен романтикой звездной пыли.

В три года он узнавал галактику Андромеды, а в пять уже рисовал масляными мелками удивительные цветовые сочетания.

Воспитатели в детском саду говорили, что его глаза словно оснащены светофильтрами: он замечал узоры инея на сухих листьях и видел глубокий индиго в облаках пасмурного дня.

А за обеденным столом в семье Шэнь всегда звучали такие разговоры:

— Посмотрите на Шубая, получил международную золотую медаль по живописи!

— Если бы твой двоюродный брат хоть наполовину так же преуспел в олимпиадной математике...

— Сегодня тетя Линь выложила в соцсети, что Шубай снова занял...

Грифель карандаша Шэнь Яньчу протыкал в тетради дыру, словно черную бездну.

На самом деле он все понимал.

Двенадцатилетний подросток уже встречал настоящих гениев на сборах по математике и знал, что есть пропасти, которые не преодолеть одним лишь усердием.

Но когда родители бросали приглашение на выставку Шань Шубая перед ним, когда он видел в глазах матери эту жгучую, почти болезненную зависть...

Бам!

Пятнадцатилетний Шэнь Яньчу разбил свой кубок за победу.

В тот момент, когда разлетались осколки стекла, он вдруг осознал печальную истину: его родители превращали свое недовольство собственной посредственной жизнью в одержимость этим ребенком.

А Шань Шубай об этом даже не догадывался.

Он все так же на семейных торжествах украдкой подсовывал любимый клубничный торт тому, кто выглядел уставшим; искренне восхищался силой линий в альбоме Шэнь Яньчу, когда находил его; и даже после смерти родителей, прибежав босиком в дом семьи Шэнь с документами на наследство, дрожащим голосом спрашивал: пусть это все будет у брата, хорошо?

Тогда Шэнь Яньчу, глядя на заплаканные глаза юноши, вдруг почувствовал удушливую тошноту.

Он все же стал тем монстром, которого ждали родители.

Шэнь Яньчу до сих пор помнил ту дождливую ночь.

Семнадцатилетний, он стоял в больничном коридоре, где запах антисептиков смешивался с запахом крови.

В приглушенных разговорах взрослых постоянно мелькали слова: отказ тормозов, встречный грузовик... А двенадцатилетнего Шань Шубая медсестра держала на руках, и он все еще сжимал в кулаке не врученную открытку — ту самую, что готовил для него.

С этого момента воспоминания начали тускнеть.

Он не помнил, были ли похороны, не помнил, как Шань Шубай оказался в семье Шэнь, и даже не помнил, когда сам начал играть роль злодея.

Словно кто-то грубо стер эту пленку ластиком, оставив лишь несколько кадров, от которых саднило глаза:

— Отец хлопает его по плечу и говорит: теперь ты его единственная опора, хотя в глазах пляшет жуткое возбуждение;

— Мать прячет документы на недвижимость в сейф и бормочет: наконец-то не зря кормили этого ребенка столько лет;

— На семейном совете дядя стучит ручкой по копии завещания: пока не получили право опеки, не дайте этому мальчишке ничего заподозрить.

Но Шэнь Яньчу, монстр, вскормленный самой семьей Шэнь, начал о чем-то догадываться. Поэтому он мог лишь послушно, покорно и добровольно стать чудовищем.

В свой восемнадцатый день рождения Шэнь Яньчу разбил все зеркала в доме.

Он обязан был стать монстром.

Только если все поверят, что он ненавидит Шань Шубая, родственники, следящие за каждым шагом, ослабят бдительность. Только если он сам будет причинять боль, он сможет контролировать ее силу: аллергия — значит, в больницу, ссадина — значит, обработать антисептиком, домашний арест — никогда не дольше двадцати четырех часов.

Если бы это делал кто-то другой...

Поэтому он мог только так.

Правда была навсегда похоронена глубоко в земле, и любые попытки прорасти пресекались на корню.

Этого нельзя было рассказать Се Шицину. Нельзя было рассказать никому.

Поэтому Шэнь Яньчу глубоко вздохнул и сочинил историю.

Историю, которая скрывает правду, не вызвала бы подозрений и позволила бы Се Шицину временно не трогать Шань Шубая.

— Я завидую ему, — внезапно произнес Шэнь Яньчу, потирая пальцами конденсат на стакане.
— С самого детства все любили ставить его в пример.

Се Шицин слегка приподнял бровь.

— После смерти родителей стало еще смешнее, — Шэнь Яньчу выдавил кривую улыбку. —

Стоило ему заплакать, как все начинали его жалеть, а я, который бегал, занимаясь похоронами, стал холоднокровным. — Он с хрустом раскусил ледяной шар в стакане. — С чего бы это?

Этой причины было достаточно — она была вульгарной, соответствовала человеческим порокам и была достаточно... безопасной.

Из спальни донесся легкий шорох.

Шэнь Яньчу краем глаза заметил, как зашевелились тени под дверью, и его кадык беззвучно дернулся.

Он осушил стакан одним махом. Крепкий алкоголь обжигал его совесть, давно превратившуюся в руины.

— Подожди еще немного, Шубай.

Когда разморозят трастовый фонд, когда эти пиявки перестанут алчно смотреть в твою сторону, когда у тебя появятся силы защитить себя...

Тогда монстр, пригвожденный к позорному столбу, с радостью отправится в вечный ад.

<http://bllate.org/book/20752/2080741>